

На ряду съ другими эпическими сказаніями, живущими въ устахъ народа, существуетъ еще цѣлый отдѣлъ небольшихъ повѣстей, запечатлѣнныхъ тѣмъ особеннымъ, отличительнымъ характеромъ, вслѣдствіе котораго получили онѣ названіе *легенды*. Для своихъ эпическихъ произведеній народъ, какъ извѣстно, беретъ содержаніе изъ преданій своего прошлаго, вноситъ въ нихъ свои собственныя вѣрованія и нравственныя убѣжденія, присущія ему въ ту или другую эпоху его развитія: и потому если языческая старина служила обильнымъ матеріаломъ для народной поэзіи, то въ свою очередь и христіанскія представленія, воспринятія юными новообращенными племенами, должны были найти въ ней свой живой отголосокъ. Народная пѣсня и сказка въ самомъ дѣлѣ не разъ обращались къ священному писанію и житіямъ святыхъ, и отсюда почерпали матеріалъ для своихъ повѣствованій: такое заимствованіе событій и лицъ изъ библейской исторіи, самый взглядъ на все житейское, выработавшійся подъ вліяніемъ священныхъ книгъ и отчасти отразившійся въ

VI

народныхъ произведеніяхъ, придали этимъ послѣднимъ интересъ болѣе значительный, духовный; пѣсня обра-
тилась въ *стихъ*, сказка въ *легенду*. Само собою раз-
умѣется, какъ въ стихахъ, такъ и въ легендахъ заим-
ствованный матеріалъ передается далеко не въ совер-
шенной чистотѣ; напротивъ, онъ болѣе или менѣе под-
чиняется произволу народной фантазіи, видоизмѣняется
сообразно ея требованіямъ и даже связывается съ тѣми
преданіями и повѣрьями, которыя уцѣлѣли отъ эпохи
доисторической и которыя повидимому такъ противопо-
ложны началамъ христіанскаго ученія. Исторія совер-
шаетъ свой путь послѣдовательно, и въ малоразвитыхъ
массахъ населенія старое не только надолго уживается
съ новымъ, но и взаимно проникаются другъ другомъ,
перепутываются, пока истинное просвѣщеніе не ука-
жетъ несостоятельности подобной связи. Такъ воз-
никли многія средневѣковыя апокрифическія сочиненія;
такъ возникли и народныя легенды, повѣствующія о
созданіи міра, потопѣ и страшномъ судѣ съ примѣсью
древнѣйшихъ суевѣрій и окружающія нѣкоторыхъ уго-
дниковъ атрибутами чисто-сказочнаго эпоса. Поэтому
хотя простолюдинъ смотритъ на легенду, какъ на что-
то священное, хотя въ самомъ разсказѣ слышится
иногда библейской оборотъ, тѣмъ не менѣе странно
было бы въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ искать
религіозно-догматическаго откровенія народа, въ его
современномъ состояніи. Нѣтъ, это все памятники
глубокой старины, того давнопрошедшаго времени,
когда благочестивый лѣтописецъ, пораженный действи-
тельнымъ смѣщеніемъ въ жизни христіанскихъ идей
и обрядовъ съ языческими, назвалъ народъ нашъ *двое-
вѣрнымъ*.

Если они и уцѣли въ устахъ народа до нашего времени, если и подвергались въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ различнымъ измѣненіямъ, если наконецъ и замѣтны въ нихъ нѣкоторые яркіе слѣды позднѣйшихъ вліяній, то все-таки главнымъ образомъ они любопытны для насъ, какъ плодъ поэтическаго творчества народа въ древнѣйшій періодъ его исторіи.

Старинный эпосъ, согласно съ воззрѣніемъ первобытнаго человѣка на природу и съ значеніемъ самыхъ міеовъ язычества, далъ въ своихъ повѣствованіяхъ довольно-видное мѣсто различнымъ животнымъ. Конь, быкъ, собака, волкъ, воронъ и другіе звѣри и птицы одарены вѣщимъ характеромъ и принимаютъ въ дѣяніяхъ и судьбахъ людей живое и непосредственное участіе.

Съ водвореніемъ новыхъ, христіанскихъ началъ, народная фантазія не позабыла и не отринула тѣхъ прежнихъ образовъ, въ которыхъ представлялись ей взаимныя отношенія человѣка и природы; она по-старому любила обращаться къ міру животныхъ, любила надѣлять ихъ умомъ и волею, и касаясь событій, описанныхъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ, свободно допустила ихъ въ свои легендарныя сказанія.

Приводимъ изъ этихъ любопытныхъ сказаній тѣ, которыя намъ извѣстны:

а) *Собака* первоначально была создана голою; но чортъ, желая ее соблазнить, далъ ей шубу, т. е. шерсть. *Мышь* прогрызаетъ Ноевъ ковчегъ; *ужъ* затыкаетъ эту дыру своей головою. (Смотри легенду о Ноѣ праведномъ.)

б) Въ старину незапамятную рожь была не такая, какъ теперь: снизу солома, а на макушкѣ колосокъ; тогда отъ корня до самаго верху все былъ колосъ. Разъ показалось бабамъ тяжело жать, и давай онѣ бранить Божій хлѣбъ. Одна говоритъ: «чтобъ ты пропала, окайнная рожь!» Другая: «чтобъ тебѣ ни всходу, ни умологу!» Третья: «чтобъ тебя, проклятую, сдернуло снизу до верху!» Господь, разгнѣванный ихъ неразумнымъ ропотомъ, забралъ колосья и началъ истреблять одинъ за другимъ. Бабы стоятъ да смотреть. Когда осталось Богу выдернуть послѣдній колосъ—сухощавой и щедушной, тогда *собаки* стали молить, чтобы Господь оставилъ на ихъ долю сколько-нибудь колоса. Милосердный Господь сжалился надъ ними и оставилъ имъ колосъ, какой теперь видимъ ¹⁾. — Другое преданіе говоритъ, что самое зерно было необыкновенной величины:

Былъ-жилъ какой-то царь, ѣздилъ-гулялъ по полямъ съ князьями и боярами, нашелъ житное зерно величиной съ воробьиное яйцо. Удивился царь, собралъ князей и бояръ, сталъ спрашивать: давно ли это жито сѣяно? Никто не вѣдалъ, не зналъ. И придумали взыскать такого человѣка изъ старыхъ людей, который могъ бы про то сказать. Искали-искали, и нашли старика — едва ходить о двухъ костыляхъ; привели его къ царю и стали спрашивать: кѣмъ сѣяно это жито и кто пожиналъ? — Не памятую, отвѣчалъ старикъ; та-

¹⁾ Терешенко: Бытъ русск. народа, ч. V, стр. 48. Подобное же сказаніе есть у нѣмцевъ: см. Kinder- und Hausmärchen, ч. 2, № 194 («Die Kornähre»). Г. Терешенко сообщаетъ еще два преданія о *пчелѣ* (ч. V, стр. 46—47).

кого жита я не сѣвалъ и не знаю; можетъ, отецъ мой помнитъ. Послали за отцомъ, привели къ царю объ одномъ костылѣ. Спросили о зернѣ; онъ тожъ говорить: «я не сѣвалъ и не пожиналъ; а есть у меня батюшка, у котораго видѣлъ такое зерно въ житницѣ». Послали за третьимъ старикомъ; будетъ ему отъ роду сто семьдесятъ годовъ, а пришелъ къ царю легко, безъ костыля, безъ вожатыхъ. Началъ его царь спрашивать: «къмъ это жито сѣяно»? — Я его сѣялъ, я и пожиналъ, сказалъ въ отвѣтъ старецъ, и теперь у меня есть въ житницѣ; держу для памяти! Когда былъ я молодъ — жито было большое да крупное, а послѣ стало родиться все мельче да мельче. — Спросилъ еще царь: «скажи мнѣ, старикъ! отчего ты ходишь легче и сына, и внука?» «Оттого, сказалъ старецъ, что жилъ по Божьему: своимъ владѣлъ, чужимъ не корыстовался». (Записано въ архангельской губерніи.)

с) Ивановской свѣтащійся жукъ *керсница* (*kersnica*) пользуется у словенцевъ особенною любовью за то, что леталъ по дому родителей Іоанна Предтечи и освѣщалъ колыбель святаго младенца. ¹⁾

д) Когда архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Пресвятой Дѣвѣ, что отъ нея родится божественный Искупитель, — она сказала, что готова повѣрить истинѣ его словъ, если рыба, одна сторона которой была уже съѣдена, снова оживетъ. И въ ту же минуту рыба ожила и была пущена въ воду: это однобокая *камбала*. Такое сказаніе живетъ между русскими поселянами ²⁾; между тѣмъ народы литовскій и самогитскій увѣряють, будто кам-

¹⁾ Русск. Бесѣда 1857, кн. 3, стр. 117.

²⁾ Записано въ херсонской губерніи г. В. Негрескуловъ.

Х

бада потому съ однимъ глазомъ и наружностью своею походить на отрѣзанную половину рыбы, что царица Балтійскаго моря Юрата отгрызла у ней одну сторону, а другую пустила въ воду ¹⁾: знакъ, что древне-языческое преданіе получило у насъ подѣ влияніемъ христіанства и другой смыслъ. и другую обстановку.

е) Когда родился Христосъ и начались гоненія Ирода, Богоматерь положила божественнаго младенца въ ясли и прикрыла его сѣномъ. Прожорливая лошадь всю ночь ѣла кормъ и непрерывно открывала убѣжище Спасителя; а волъ не только пересталъ ѣсть, но еще собиралъ разбросанное сѣно рогами и набрасывалъ его на младенца. Богъ проклялъ лошадь за ея жадность, а вола благословилъ; оттого-то лошадь постоянно жретъ и никогда не насыщается; оттого-то волъ употребляется человѣкомъ въ пищу, а лошадь нѣтъ. ²⁾

ф) У моряковъ есть повѣрье, будто два черныя пятна, видимыя на жабрахъ трески, произошли отъ того, что апостолъ Петръ взялъ ее двумя пальцами, когда вынималъ изо рта рыбы монету для уплаты подати. ³⁾

г) Во время земной своей жизни зашелъ однажды Спаситель въ домъ еврея. Толпа окружала его. Невѣрующій хозяинъ вздумалъ посмѣяться, и сказалъ Спасителю: «если ты Богъ, скажи намъ, что подѣ этимъ корытомъ?» — Свинья съ тремя поросятами, отвѣчалъ Господь. Какой ужасъ оковалъ предстоящихъ, когда вмѣсто спрятавшихся хозяйки и дѣтей выползла изъ-

¹⁾ Связь Отечества 1839 г., № 10, стр. 144—145.

²⁾ Записано въ харьковской губерніи.

³⁾ Московск. Вѣдомости 1858 г., № 87.

подъ корыта большая свинья съ тремя поросятами. Вотъ почему евреи не ѣдятъ свинины. ¹⁾

h) *Медвѣдь*, говорятъ поселяне, былъ прежде человекомъ; онъ и теперь пьетъ водку, ѣстъ хлѣбъ, ходитъ на заднихъ лапахъ, пляшетъ, и не имѣетъ хвоста.

Когда-то въ старину странствовали по землѣ св. Петръ и св. Павелъ. Случилось имъ проходить черезъ деревню около моста. Злая жена и мужъ согласились испугать святыхъ путниковъ, надѣли на себя вывороченныя шубы, притаились въ укромномъ мѣстѣ, и только апостолы стали сходить съ моста — они выскочили имъ на встрѣчу и заревѣли по-медвѣжьи. Тогда св. Петръ и св. Павелъ сказали: «щобъ же вы ривили отныни и до вика!» Съ той самой поры и стали они медвѣдями.

Такой разсказъ можно услышать отъ поселянъ харьковской губерніи; въ херсонскомъ уѣздѣ онъ передаетъся нѣсколько иначе:

Мужикъ съ женою вздумали испугать Спасителя, стали подъ греблею и принялись кричать: мужикъ заревѣлъ медвѣдемъ, а баба закуковала кукушкою (*зозулею*). Господь проклялъ ихъ, и съ того времени они навсегда превратились въ медвѣдя и кукушку.

i) Въ Норвегіи существуетъ разсказъ о превращеніи одной женщины въ *дятла* (Norweg. *Volksmârgen*, № 2):

Христось, странствуя по землѣ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ, увидѣлъ женщину, которая приготовляла хлѣбы. Ее звали Гертруда. Спаситель попросилъ у нея хлѣба. Гертруда отдѣлила для странниковъ

¹⁾ Записано въ херсонской губерніи г. В. Негрескулонъ.

XII

небольшой кусокъ теста, и только стала мѣсить его — какъ онъ тотчасъ-же выросъ и сдѣлался огромнымъ хлѣбомъ. Скупая хозяйка пожалѣла отдать его странникамъ; снова отдѣлила для нихъ небольшой кусокъ теста, но и съ этимъ, и со всѣми другими кусками случилось тоже; тогда рѣшилась она лучше вовсе имъ отказать, нежели дать такъ много. За такое жестоко-сердіе Господь обратилъ ее въ птицу, которая осуждена искать себѣ пищу между древесною корою и пить только дождевую воду. Птица эта всегда чувствуетъ мучительную жажду и называется: Gertrudsvogel. ¹⁾

Русскіе поселенцы также рассказываютъ о птичкѣ, которая въ сухое время летаетъ всюду и жалко чирикаетъ: пипи-питы! «Когда Богъ создалъ землю и вздумалъ наполнить ее морями, озерами и рѣками, тогда онъ повелѣлъ идти сильному дождю; послѣ дождя собралъ всѣхъ птицъ и приказалъ имъ помогать себѣ въ трудахъ, чтобы онъ носили воду въ назначенныя ей мѣста. Всѣ птицы повиновались, а эта несчастная — нѣтъ; она сказала Богу: мнѣ не нужны ни озера, ни рѣки; я и на камушкѣ напьюсь! Господь разгнѣвался на нее, и запретилъ ей и ея потомству даже приближаться къ озеру, рѣкѣ и ручейку, а позволилъ утолять жажду только той водою, которая послѣ дождя остается на неровныхъ мѣстахъ и между камнями. Съ тѣхъ поръ бѣдная птичка, надобная людямъ, жалобно проситъ пить, пить!» ²⁾

¹⁾ Подъ этимъ именемъ въ Норвегii разумеется rothhaubichte Schwarzwacht.

²⁾ Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. V, стр. 47.

к) Когда жида преслѣдовали Спасителя, чтобы предать его на распятіе, то всѣ птицы, особенно *ласточка*, старались отвести ихъ отъ того мѣста, гдѣ укрывался Христосъ. Но *воробей* указалъ имъ это мѣсто своимъ пискливымъ чириканьемъ; жида увидели Спасителя и повели его на мученіе. Потому Господь проклиналъ воробья, и мясо его запретилъ употреблять въ пищу. — Этотъ разсказъ записанъ въ харьковской губерніи; въ другихъ мѣстностяхъ увѣряютъ, что въ то время, какъ предали Христа на распятіе, воробьи непрерывно кричали: живъ-живъ! живъ-живъ! — вызывая чрезъ то враговъ Спасителя на новыя муки. Ласточки напротивъ чирикали: умерь, умерь! Онѣ старались похищать приготовленные мучителями гвозди, но воробьи снова находили ихъ и приносили назадъ. Оттого гнѣздо ласточки предвѣщаетъ дому счастье, убить ее считается за великой грѣхъ; а если воробей влетитъ въ избу — это предвѣстіе большой бѣды. О воробьѣ разсказываютъ, что онъ одинъ не знаетъ праздника Благовѣщенья и вѣсть въ этотъ день гнѣздо, что у него ноги связаны за его предательство невидимыми путами, и потому онъ можетъ только прыгать, а не переступать. ¹⁾

1) Въ Галиціи ходитъ въ народѣ такое преданіе: когда воскресъ Христосъ, его увидала жидовская дѣвочка и сказала о томъ своему отцу. Но старый еврей не повѣрилъ и сказалъ: «тогда онъ воскреснетъ, когда

¹⁾ Иллюстрація, годъ 2-й, статьи Дала, стр. 262, 333. Въ день Рождества Христова литвины стараются топить печи до зари, чтобы воробьи не видали выходящаго изъ трубъ дыма; въ противномъ случаѣ птица эта сильно повредитъ крестьянскимъ посевамъ. (Черты изъ исторіи и жизни литовск. народа, стр. 95.)

этотъ жареный каплуноу полетитъ и запоетъ!» И въ ту же минуту жареный *пѣтухъ* сорвался съ вертела, полетѣлъ и закричалъ: кукуреку! ¹⁾

Легенды хотя и касаются нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ событій и лицъ, тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ другимъ народнымъ произведеніямъ, не знаютъ и не преслѣдуютъ исторической вѣрности. Онѣ даже раскрываютъ передъ нами цѣлой рядъ произшествій, связанныхъ съ именемъ Спасителя, о которыхъ не упоминается въ источникахъ, но которыя справедливо обращаютъ на себя пытливое вниманіе ученыхъ. Въ этихъ разсказахъ не столько важна историческая правда передаваемого событія, сколько правда гуманнаго христіанскаго одушевленія, проникающая собой все поэтическое созданіе. Чувство состраданія къ чужому несчастью, вложенное въ человека уже самою природою, подъ вліяніемъ возвышенныхъ идей христіанства, получило новое торжественное освященіе. Вся земная жизнь Спасителя была непрерывною проповѣдью о любви къ ближнему и милосердіи къ нищей братіи: убогимъ, больнымъ, пораженнымъ язвами, заточеннымъ и страждущимъ; по вознесеніи на небо имъ оставилъ онъ въ наслѣдіе свое святое имя:

Какъ вознесь Христосъ на небеса,
 Расплакалась нищая братія,
 Расплакались бѣдные, убогіе, слѣпые и хромые:
 «Ужъ ты истинный Христосъ, царь небесный!

¹⁾ Костомарова: Объ истор. значеніи русск. народа. повѣи, стр. 85.